

ИОНА

Темное мрачное густое пространство. По полукруглым бардовым стенам стелется туман. С потока что-то капает. На полу (который все время легонько покачивается) лужи разных размеров и консистенций (от некоторых из них идет пар). Полумрак. Сверху слышен ритмичный гул.

Склизко. Мокро. Душно. Противно.

Откуда-то справа сверху влетает, маша руками и протяжно крича, человек. Он плюхается куда-то вниз среди луж и непонятных бугорков из которых состоит пол.

Пауза.

Человек не шевелится. Жизнь, на секунду измененная появлением пришельца, продолжает идти своим чередом: с потолка капает, по стенам стелется туман. Так проходит некоторое время.

Наконец человек медленно и очень неохотно приподнимает голову. Медленно крутит ей, обводя взглядом пространство. Морщится. Опускает голову обратно. Лежит так еще какое-то время. Затем медленно и очень неохотно переворачивается на спину. Лежит какое-то время в новой позе слегка шевеля конечностями - пытается понять, не повредил ли он при падении что-нибудь. Поочередно прижимает голову то к правому, то к левому плечу, проверяет.

*Иона (куда-то в пространство): Вообще-то я мог и шею свернуть!
Аккуратнее надо!*

Пауза. Иона медленно и аккуратно поднимается на четвереньки.

Иона (себе под нос): Впрочем, лучше бы и свернул.

Поднимается на ноги – оценивает новое пространство. Пробует сделать шаг вперед – снова падает. Неразборчивая ругань. Снова поднялся. Выпрямился. Замер.

Иона: Так... так-так-так-так-так... по крайней мере, я все еще могу говорить. Говорить... Го-во-рить-ть-ть.... Это уже что-то. Нужно продолжать. Про-дол-жать. Нужно говорить, нужно продолжать, нужно разговаривать, говорить вслух, иначе можно сойти с ума, иначе я сойду с ума.

Я говорю. Я слышу. Я вижу.

Пауза.

Иона: Вот как оказывается, дела делаются. Вот как все просто: достаточно один раз послушаться, и тебя сразу отправляют в ад! Если это, конечно, ад... странный он какой-то... Слишком уж тихо для ада. И маловыразительно.

Пауза. Иона вздыхает

Иона: Нужно договориться. Нужно просто понять с кем можно поговорить. И договориться. Со всеми же можно договориться. Всегда можно договориться...

Кххм. Именем Господа нашего, я, пророк Его, приказываю вам, кто бы вы ни были, выпустить меня!

Пауза.

Иона: Слышите?

Никакой реакции. Иона спокойно подходит к стене и со всей силы пинает ее. Стена начинает трястись: из самых недр по всему телу рыбы (а Иона, разумеется, находится в рыбе) пробегает вибрация – аналог крика в безмолвном мире.

Иона падает на пол. Упирается руками в пол. Понимает, что он теплый и мягкий. Перекатывается и ложится на спину. На Иону нисходит видение. Он вскакивает, как ужаленный.

Иона: О Господи. Это что, рыба? Ты, что, совсем уже, а? Ты засунул меня в рыбу?! Из всех возможных... я имею в виду... нет, ну это просто... Да не вышел на работу, да, плыл по морю, да, сбросили с корабля.... Из всего, что могло прийти в голову... нет. Я хочу сказать!.. это же просто возмутительно. Ну, подумаешь, ослушался, но это же не повод!

Опять тинает рыбу.

Иона: Ты, рыба, только не обижайся, пожалуйста. Я вообще тварей люблю всяких, и подводных тоже. Никому в детстве крылышек не отрывал, за хвосты не таскал. Но здесь экстремальные обстоятельства.

Еще один тинок. Еще одна встряска. Иона опять падает.

Пауза. Очевидно, стратегия Ионы не работает.

Иона (*лениво, даже устало*): Я же знаю, чем это кончится. Ну, я ж пророк, в конце-то концов. Напоминаю, так сказать, если некоторые забыли. У меня же, это, видения. Я же знаю, что дальше будет. Промаринуюсь здесь, в этой селедке, а потом Ты меня отправишь в эту чертову Ниневию (город великий, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота).

Только, Господи мой Боже, больше я никуда не поеду. Ни в Ниневию (город великий, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота), ни еще куда. Не в этот раз. Не, нафиг. Мне не интересно ни то, что Ты там хочешь, ни то, что в пророчестве... Я просто все. Отказываюсь. Отказываюсь плыть, отказываюсь предрекать, отказываюсь все остальное. Хочешь засовывать меня в рыбу? Пожалуйста, твое право. Но я никуда не поплыву.

Долгая пауза.

Иона: И что теперь?

Пауза.

Иона: Я долго так могу, предупреждаю сразу.

Пауза.

Иона: Просто смотри, штука такая: я не сдамся. Никуда не поеду, и делать ничего не буду.

Пауза.

Иона: Хоть в рыбу меня посади, хоть, я не знаю, в бегемота.

Пауза.

Иона еще раз оглядывается по сторонам, оценивая липкость, склизкость, жар и вонь пространства.

Иона: Ты бы скорее о рыбе-то подумал. Я думаю, ей не очень-то приятно. Так себе должно быть, когда у тебя в брюхе кто-то сидит. Мне бы вот не понравилось бы.

Словно в ответ на его слова, стены начинают сокращаться сильнее, чем до этого. Сначала это не сильно заметно, но довольно быстро становится понятно – это что-то серьезное.

Иона: Так, так, так, ты чего? Эй! Эй, рыба, ты чего там? А?

Не обращая никакого внимания на его слова, рыбе чрево сокращается все интенсивнее и интенсивнее.

Иона: Так, рыба! Кончай! Кончай кому говорю!

Никакого эффекта.

Иона: Ну, ну чего ты, ну чего?

Рыба игнорирует все увещевания Ионы.

Иона: Ты-ты что? Переварить меня пытаешься?! Я... я не съедобный! Меня не для этого сюда посадили, слышишь? Так что, ты это, брось! Брось, кому говорю!

Иона кричит, пытаясь перекричать качку:

Иона: Меня не надо переваривать! Не-на-до!

Стенки желудка не реагируют на него и только усиливают силу сокращений.

Иона (*отчаянно, поскольку больше в голову ничего не лезет*): Ну... ну хочешь, я тебе... я тебе сказку расскажу? А? Хочешь сказку? Я пророк! Я умею рассказывать! Я хорошо рассказываю!

Рыба явно заинтересована – скорость и сила сокращений уменьшается.

Иона переводит дух, и пользуясь временным затишьем усаживается рядом с каким-то бугорком, чтобы держаться за него в случае чего.

Иона: Вот так, вот так, молодец. Ты это, не беспокойся, главное. Плыви себе потихоньку, вот и все. А я сейчас расскажу тебе что-нибудь.

Рыба постепенно замирает. Иона говорит мягко и тихо, словно успокаивая ее. Гладит наименее покрытые слизью части боков рыбы.

Иона: Сказку... сказку... про что же тебе рассказать?.. Хочешь, про меня расскажу? Ну, как я здесь оказался и все такое? Расскажу тебе сказку про пророка Иону и его упрямого Бога. А? Как тебе такой план?

Рыба затихает. Чувствуется, что сокращения могут возобновиться в любой момент, но сейчас рыба остановилась.

Иона: Вот так, вот так, молодец. Теперь слушай.

Давным-давно, в далекие предалекие времена, в дальней-предальной стране жил да был Иона. Иона этот был пророк: а это значит, что ему являлся Глас Божий. Ну, то есть, он голос он слышал. Никто другой этот голос не слышал,

а Иона слышал. И Глас этот говорил Ионе разные вещи – что надо делать, и что не надо делать. А Иона потом это людям говорил – вот мол, так-то и так-то, так надо делать, так не надо делать. И самое странное, что люди этого Иону даже слушались зачем-то. Странные такие люди, представляешь? Правда слушались. И делали. Ну, или, соответственно, не делали. И за это стали называть Иону пророком.

По моему глаголу восстановил царь Иеровоам пределы царства Израильского от Емафа до Мертвого моря, возвратив, таким образом, древние области своего царства, отторгнутые сирийцами.

По моему. Не по чьему-либо.

Так что я нормально жил.

Я правильно жил. Я хорошо жил.

Очень хорошо жил.

У меня *репутация* была.

Закрывает глаза, начинает говорить все быстрее и быстрее, словно произносит какое-то заклинание.

Иона: Я ИОНА, я пророк. У меня дар. Я несу слово Божие. Люди меня боятся, слушают. Слушают и слушаются, боятся и почитают.

Да я сын той вдовы, у которой Илья пророк кормился.

Да я тот самый отрок, который умер, и которого Илья пророк воскресил (так по крайней мере, утверждают апокрифы).

Я ИОНА, я пророк. У меня дар. Я несу слово Божие. Люди меня боятся, слушают. Слушают и слушаются, боятся и почитают.

Я говорю всё, как Господь говорит мне.

Моими устами Господь говорит.

Я говорю всё, как Господь говорит мне.

А люди слушаются меня.

Потому что моими устами говорит Господь.

И люди слушаются его.

Они слушаются и боятся его. Они слушают и уважают меня.

Потому что я ИОНА, я пророк.

Потому что моими устами говорит Господь.

Иона поднимается, и очень аккуратно, чтобы не поскользнуться, слегка балансируя, поскольку поверхность под ногами немного колеблется, начинает двигаться по рыбе.

Иона: Но Ионе вся эта кутерьма быстро, надо сказать, надоела. Ведь штука в том, что, ты пойми рыба, если ты пророк – то ты больше не человек. Ты – рупор, микрофон. Тебе что сказали, то ты и передаешь. А Иона не хотелось быть рупором. Ионе хотелось иметь свою собственную жизнь. Но от Гласа Божьего разве уйдешь? От него никуда не скрыться. Свистит, паскуда, пищит и гудит в ушах: так мол и так, так вот делай, а так ни за что не делай.

Ну то есть вообще – шагу не ступи без всех этих предсказаний и видений. А это все, к тому же, не самый приятный процесс, пророчествованием заниматься. Это как будто берут тебя как старую перчатку и натягивают на руку. То еще ощущение.

Ну, и в один прекрасный день, Иона сказал себе – все, хватит. Больше я никакими пророчествами не занимаюсь. И на двери табличку повесил «закрыто» - ну, что все, кончился бизнес. А тут как на зло, как будто он специально выжидал – Господь Бог с очередным пророчеством. Да еще каким! Приказание, если переводить его на человеческий язык, было такое – иди в город Ниневию (город великий, в котором более сто двадцать тысяч

человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота) и скажи им, что они нехило так достали Господа Бога.

Пауза.

Иона: Хорошенькое такое дело, да, рыба? Ты только прикинь. Где я, а где Ниневия (город великий, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота), а? (*Короткая пауза*) Молчишь? Ну, раз молчишь, значит, соглашаешься.

В общем, такое вот повеление. Поезжай за тридевять земель, пугай каких-то незнакомых ассирийцев. Почему ассирийцы? Зачем? Как говорится, неисповедимы пути...

Ты вообще знаешь, кто такие ассирийцы? Это серьезные ребята, они шутить не любят.

Пауза.

Иона: Бог тоже, впрочем, шутить не любит. Как оказалось.

Пауза.

Иона: И что же я сделал? Тот час бросился, побежал и купил билет на корабль.

Я бежал со всех ног, так, что пятки сверкали и подошвы блестели. Я бежал изо всех сил.

Только не в Ниневию (город великий, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота) я бежал.

Я ведь пророк был.

У меня все было.

Я бежал как можно дальше. И от города Ниневии (город великий, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота), и от самого Господа Бога.

Я бежал со всех ног, быстрее зайца и оленя, и прочих быстроногих тварей.

И добежал до пристани и купил билет на корабль в город Таршиш.

Ибо, не в обиду пусть таришанам будет сказано, это воистину Богом забытое место.

Только вот Он не забыл.

Я бежал со всех ног от Господа Бога и от его приказания, и от города Ниневии (города великого, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота), потому что знал, что для меня ничем хорошим это не кончится.

И разве я был неправ?

Поэтому я побежал на пристань, и купил билет, и сел на корабль.

Задумчивая пауза.

Иона: Плыл в Таршиш, а попал в рыбье брюхо...

А корабль-то хороший был, надежный. Где он теперь? Раскидало его по щепочке, небось.

Пауза.

Иона: На корабле человек свободен. У него нет никаких обязательств. Он отрезан от мира, от своих обещаний и обязанностей. Он просто плывет. Плывет на корабле. И ветер свистит в его ушах и треплет его волосы. И он свободен от всех своих дел. И совершенно, я повторяю, совершенно не связан ни с чем и не с кем, и ничего никому не должен.

Небольшая пауза.

Иона: А потом поднимается *ветер*. Тот самый ветер, который трепал, свистел и хлопал, только больше он не делает ничего подобного. Он рвет паруса и канаты, он грохочет, он вздымает волны. Этот ветер наводит на море валы, от чего оно становится похожим на вспаханное поле – борозда за бороздой.

И легкое покачивание превращается в тошнотворную, рвотную качку, любой предмет, словно из засады готов наскочить на тебя, палуба уходит из-под ног и бросает тебя куда ей заблагорассудится.

Я спрятался в трюме, и, на всякий случай, лег спать. Когда происходит что-то очень страшное – я всегда иду спать. Так – верней всего. Так – ты точно не при делах. Так – оно решается само собой, а тебе остается лишь принять последствия и смириться с новыми обстоятельствами.

Но они спустились в трюм. Нашли меня и разбудили. Не дали спать спокойно. Сказали, что побросали в море товар, но это не помогло, и теперь, будут бросать жребий.

Мне было так плохо на этом корабле, и так тошно на этом корабле, и так страшно на этом корабле. Я хотел одного – чтобы это просто закончилось. Мне было так... ну просто, чтобы закончилось. ... так плохо. И в таком состоянии ты на все готов, только бы это, собственно, состояние поскорее закончили.

Вот тебя когда-нибудь выкидывали? Ну, даже не с борта корабля, это мелочи, формальности, дело техники так сказать. А просто? Вот выкидывали? Выбрасывал ли когда-нибудь тебя кто-нибудь так, что пока ты летишь, до соприкосновения с поверхностью еще успеваешь подумать. О том, подумать, что летишь ты чего-то долго, и, что вода под тобой, она мокрая скорее всего. И что шлепнутся об ней, ой больно будет.

Пауза.

Иона: Больно, правда, не было. Было темно. И мокро. И противно.

И так и осталось. Темно, мокро и противно.

Пауза.

Иона: Эх, рыбка ты моя... Фаршированная... Фаршированная пророком рыба. Вкуснейшее блюдо у райского стола, у стола Господа нашего.

Но я не унываю, нет. На самом деле, могло быть и хуже, гораздо хуже. Вот ты знаешь, кем я на самом деле быть хотел? Ну, до того, как стал слышать голос, который решил, что я подходящий микрофон? Я всю жизнь мечтал рыб изучать и прочих гадов морских. С самого детства. Знала ты бы рыба, какие вы все прекрасные... С серебряной чешуёй, с длинными хвостами и плавниками.

А главное, рыба дорогая, вы всегда молчите. Ни слова, ни слога от вас никогда не услышишь. Я в детстве просто обожал смотреть, как вы плаваете взад-вперед – хвост туда, обратно болтается. И тишина. Ни единого звука, ни писка. Я в детстве вообще рыбой быть хотел. Так же плавать себе тихонько. Тогда уж Глас Божий точно от меня отстал бы.

Длинная пауза.

Иона: Ты меня спросишь – что же будет дальше? С тобой, со мной? Чем сказка кончится? Хороший вопрос. Я бы даже сказал, закономерный. Учитывая, что я тут у тебя, в тебе живу.

По-хорошему, я должен был бы ответить – а черт его знает. Я что тебе пророк, чтобы будущее предсказывать? Но вот загвоздка-то в том, что я как раз пророк. И я прекрасно знаю, что должно быть дальше.

А должно быть следующее:

Первое. Я за время отсидки у тебя в брюхе, раскаиваюсь, принимаю власть Бога надо мной и все такое.

Второе. Ты доплываешь до Ниневии (города великого, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и

множество скота), или какой там ближайший берег, и выпускаешь меня на свободу.

Третье. Я иду пугать местное население, а ты плывешь себе дальше по своим рыбьим делам.

Пауза.

Иона: Есть еще и четвертый пункт, но он больше про меня. Ты все так же плывешь по своим рыбьим делам, а город Ниневия (город великий, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота) стоит себе прекрасным образом, поскольку напуганные жители помчатся каяться, и Господь город помилует. Что превратит мою к ним поездку в уже совершенно бессмысленное предприятие. И люди мне больше верить не будут. Ни-ког-да.

И стану я не пророк, а ноль без палочки.

Поэтому, я никуда отсюда не выйду. Извини уж рыба, но вопросы тут не ко мне, а к тому, кто меня в тебя засунул.

Пауза.

Иона: Пойми, рыба, жизнь пророка, это же собачья жизнь!

(Запрокидывает голову). Ты хочешь, чтобы я плыл в Ниневию (город великий, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота), но Я этого не хочу! Какой толк в предсказание всеобщей гибели, если оно всё равно не сбудется, а? Если Ты их все равно помилуешь? Зачем вообще дергаться? Я же как дурак буду выглядеть, полнейшим идиотом стану! Шуткой ходячей. Какой из тогда меня пророк? Нет уж, спасибо. Лучше спокойно плыть себе в Таршиш, где от меня никаких предсказаний не требуют.

Или... вот, в рыбе сидеть! Вот.

Слышишь?

Тишина.

Иона: Господи?..

В ответ – молчание.

Иона: Боже?

Тишина.

Иона: Ты слышишь меня?

Тишина.

Иона: Почему ты молчишь?

Тишина.

Иона: Ты же никогда-никогда не молчишь. Сколько я помню себя, ты всегда тут где-то был, вечный голос где-то рядом, как дыхание теплое, всегда над ухом шелест был. Почему сейчас тишина такая, а? Где Ты, куда исчез? Ты ушел? Обиделся? Обиделся, что я отказался?

Пауза.

Иона: Ау? Господи?

Тишина.

Иона: К Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня; из чрева преисподней я возопил, и Ты услышал голос мой.

Ты вверг меня в глубину, в сердце моря, и потоки окружили меня, все воды Твои и волны Твои проходили надо мною.

И я сказал: отринут я от очей Твоих, однако я опять увижу святы́й храм Твой.

Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травкою обвита была голова моя.

До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня; но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада.

Когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святого Твоего.

Чтущие суетных и ложных богов оставили Милосердаго своего, а я гласом хвалы принесу Тебе жертву; что обещал, исполню: у Господа спасение!

Пауза.

Иона: Эй, Господи! Ты вернись, слышишь? Вернись, пожалуйста. Я на все согласен. Я поеду в Ниневию (город великий, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота). Я... буду ходить по улицам, выть, вопить и причитать, в общем, все, как обычно. Предупрежу их о гневе Твоем великом, и о том, что ты скоро там все уничтожишь.

Я сделаю.

Я предупрежу.

Я согласен.

Пауза.

Стены начинают медленно пульсировать – рыба поворачивается.

Иона: Расскажу я тебе еще одну сказку рыбка, пока ты плывешь – путь нам неблизкий предстоит. Так все лучше, чтоб не в тишине сидеть. Знаешь сказку о гневе цадика и милости его? А? Ну, слушай внимательно. Только, чур, не перебивать.

Ехал как-то старый ребе вместе со всеми учениками домой из дальней поездки. Устал в дороге ребе, захотел остановиться в корчме, передохнуть. Велел распрячь лошадей. Однако никто не вышел из корчмы, ни встретил

цадика, не приветствовал его. Рассердился ребе, запылало лицо его от гнева, и сказал он, обращаясь к балке, что торчала над порогом корчмы.

– Вот эта балка, из-за того что не удостоилась, по вине хозяев, принять под свою сень праведника – да превратиться в змею извивающуюся!

Все затрепетали, а корчмарь и корчмарка, испугавшись насмерть, бросились в ноги цадику, чтобы сжалился он над ними и над их малыми детьми. И все остальные стали просить цадика сменить гнев на милость.

Постепенно разгладились гневные морщины на челе старого ребе, распрямились насупленные брови, взгляд смягчился, а сердце преисполнилось доброты и жалости. Простил он нанесенную ему обиду и, снова обратясь к балке, что над порогом корчмы, сказал:

– Да будет Божья воля, и да останется эта балка такой же как была.

С тех пор уже много лет приезжают в ту корчму люди со всех сторон, чтобы поглядеть на ту балку, которая, по великой милости добросердечного ребе, осталась балкой и не превратилась в змею.

Так и с Ниневией (городом великим, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота) будет у нас с тобой. Приплывем, ты меня выплюнешь (честно, без энтузиазма об этом думаю, но выбора у меня, как понимаю нету). И я в Ниневию (город великий, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота) пойду. Пойду, как и было мне сказано в город Ниневию (город великий, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота).

Проповедовать стану. Стану проповедовать большим и малым, старым и молодым. Проповедовать буду им, что все, прости за каламбур, приплыли – финиш. Разгневали они Господа, и скоро обрушится на них гнев его.

А что дальше будет, спросишь? А дальше, как по накатанной – все перепугаются страшно, криком закричат и заплачут плачем. Еще бы, не

каждый день дипломированный пророк говорит тебе, что скоро Господь Бог сравняет с землей твой город. Начнётся все, как обычно – я на это все насмотрелся уже рыбка, поразительно, люди в такой ситуации одинаково все реагируют, массовое покаяние будет, молебны массовые, посты... ну, в общем, все, как полагается.

А что потом будет? А? Ты как думаешь?

Он их помилует. Ну, раз уж так плачут да каются. И ни волоска не упадет с ниевийской головы (за исключением тех, кто пойдет в тот день к парикмахеру), ни один камешек не свалится с дома, ни одна досочка из забора не выпадет.

Вот такое вот чудо. Личное, так сказать, тайное чудо. Я его единственный свидетель буду. Единственный, кто о нем знать будет, кто увидит его. Чудо о городе, который *не* уничтожили. Достаточно невпечатляющее, скажешь? А, чего молчишь? Скучное чудо, думаешь?

А я скажу, что нет большего чуда, чем, когда все идет, как должно. Когда, несмотря на все ужасы и злодеяния, огненный дождь не падает нам на головы, земля не сотрясается, и море не выходит из берегов.

И останется стоять Ниневия (город великий, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота), как стояла, на своем месте. Где и положено ей. Со своими стенами в двенадцать метров, со своими площадями, осликами и барельефами.

Пауза. Иона начинает нервничать. Сначала это не слишком заметно, но постепенно становится ясно, что он действительно встревожен.

Иона: А мы точно доплывем, а? Рыба, а вдруг... а что если... а если мы не успеем? Рыба, а если мы не приплывем вовремя, а? Если... если шторм или... если мы приплывем, а он... и они... они же не станут каяться, если я их не напугаю как следует.

Ты плыви пожалуйста, поскорее плыви, слышишь меня, рыба ты моя, золотая? Золотая моя рыбонька, ты греби плавниками своими пошустрее, ладно? Очень надо мне в Ниневию (город великий, в котором более сто двадцать тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота). Они ведь там... глупые они. Им покается надо, ну, то есть, мне напугать их надо, чтоб они покаялись. Они сами не догадаются. Они ведь люди. Просто обычные люди. Просто... они ж... они же не знают, что...

Ты плыви, рыба, слышишь? Чтоб случилось оно. Самое главное самое сильное самое великое чудо случилось.

Чтоб Господь не разрушил город. Чтоб оставил его как был, с домами, с улицами, с лавками и базаром, с садиками и подворотнями и собаками, которые на солнышке спят. Чтобы ни единое оконное стекло не треснуло, ни единая рама не вылетела, чтоб ни соринки с места не шелохнулось, чтоб стоял он на месте своем, словно и не было ничего, словно никакой опасности и не нависало над ним.

Ты плыви скорее рыбушка. Надо во врем мне поспеть, чтоб чудо Господне, главное его чудо, чудо милосердия случилось.

Рыба плывет.